

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. Б. ШАПИРО

К УЧЕНИЮ О ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Уже больше ста лет в нашем синтаксисе существует деление второстепенных членов предложения на три разряда: определение, дополнение и обстоятельство. Немало споров велось о том, насколько верна и соответствует реальному положению вещей эта триада, и еще больше — о принципах отнесения второстепенных членов предложения к тому или иному из этих разрядов. И тем не менее существенных сдвигов в данной области до сих пор нет. Во введении ко II тому «Грамматики русского языка» АН СССР, несмотря на утверждение, что «традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре»¹, это учение все же полностью сохраняется, правда, с оговоркой о необходимости более углубленного решения данного вопроса. В настоящей статье делается попытка установить, имеются ли основания для деления всех второстепенных членов на небольшое число обобщающих разрядов — в виде ли существующей традиционной схемы или какой-либо иной, основанной на том же принципе «обобщения».

Как известно, уже в грамматиках первой половины XIX в. второстепенные члены предложения делятся на разряды. Три разряда — те же, которые существуют в наше время, — мы находим, например, у Перевлесского² и у многих других авторов. По-иному обстоит дело у Востокова. Он устанавливает, что в предложении к подлежащему и сказуемому «...присовокупляются другие слова, для определения и для дополнения обеих частей предложения. В первом случае присовокупляемые слова называются определительными, во втором случае дополнительными»³. Эти два разряда второстепенных членов включают в себя и те второстепенные члены, которые в настоящее время относят к обстоятельством. Но дело не только в этом, а в самом существе понимания функций второстепенных членов. По Востокову, определительные слова бывают при существительных, при личных местоимениях, при прилагательных, при глаголах и причастиях (при этом Востоков подробно указывает, какими частями речи выражаются определительные слова). Дополнительные слова — это существительные и местоимения, «коими означаются другие предметы, прикосновенные к подлежащему или к сказуемому; предметы, на которые обращено действие сказуемого или от которых зависит подлежащее...»⁴. Дополнительными словами являются также инфинитивы, сочиненные «с другим глаголом или существительным, прилагательным или причастием»⁵.

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 97.² См. П. Перевлесский, Начертание русского синтаксиса, 2-е изд., М., 1848.³ А. Востоков, Русская грамматика, 7-е изд., СПб., 1848, стр. 178—179.⁴ Там же, стр. 179⁵ Там же.

В основе учения Востокова о второстепенных членах лежат, с одной стороны, функция, выполняемая второстепенным членом, а с другой — часть речи, выполняющая соответствующую функцию. Так, наречие, обозначающее место или время действия, выражаемого глаголом, является определительным словом, а существительное в косвенном падеже с предлогом, выполняющее ту же функцию, является дополнительным словом. Ср. приводимое Востоковым предложение *Праотец наш Адам недолго жил в раю*, в котором *недолго* — определительное слово к *жил*, а *в раю* — дополнительное слово к этому глаголу. Для Востокова решающим является то, как морфологически выражается функция, выполняемая второстепенным членом предложения: если бы вместо *недолго* в приведенном примере было существительное (например, *с год*), то этот второстепенный член был бы дополнительным словом; если бы вместо *в раю* было наречие (например, *там* или *далеко*), то этот второстепенный член был бы определительным словом.

Однако классификация второстепенных членов не разработана Востоковым в деталях и поэтому оставляет некоторые вопросы неясными. Так, дополнительными он называет существительные и местоимения, обозначающие другие предметы, прикосновенные к подлежащему или сказуемому, т. е. принимает во внимание, к какому члену предложения они относятся, тогда как определительные слова выделяются на основании их отношения к существительному, прилагательному и т. п., т. е. на основании того, к какой части речи они относятся. Но ведь та или иная часть речи (например, существительное) может быть и подлежащим, и дополнительным словом, и определительным словом (приложением). С другой стороны, сказуемым, например, могут быть и глагол, и краткое прилагательное, и другие части речи. Возникает и такой вопрос: если в предложении *Учитель брата заболел* слово *брата*, как существительное, обозначающее предмет, «прикосновенный к подлежащему», является дополнительным словом, то будет ли также дополнительным словом существительное *брата* в предложении *Я уважаю учителя брата*, в котором слово *учителя* — не подлежащее, а само является дополнительным словом? Неясно также, как следует понимать «предмет, от которого зависит подлежащее», если подлежащее — это независимый член предложения, что выражается постановкой его в именительном падеже.

Изложенное общее учение Востокова о членах предложения дополняется тщательно разработанными двумя главами, посвященными одна — согласованию слов, а другая — управлению слов.

Как известно, дальнейшая судьба вопроса о второстепенных членах предложения складывалась не в направлении, намеченном Востоковым. Русские грамматисты середины XIX в. (Буслав, Давыдов и др.) укрепили традицию трех второстепенных членов предложения, не создав для нее подлинной грамматической основы. Буслав выдвинул двойкий критерий для классификации второстепенных членов предложения: чисто «смысловой» («по значению», с постановкой вопросов) и формальный («по синтаксическому употреблению»), в результате чего члены предложения, на основании одного критерия относящиеся к одному разряду, на основании другого критерия попадают в другой разряд. Потехина, убедительно отвергнувший метод классификации второстепенных членов предложения «по значению», не отказался, однако, от признания тех же трех разрядов и только подвел под них формально-грамматическую основу. Его схема привела к отождествлению синтаксических категорий с категориями морфологическими: определение — второстепенный член, согласующийся с определяемым; дополнение — второстепенный член, выраженный косвенным падежом (без предлога или с предлогом) имени существитель-

ного или предметно-личного местоимения; обстоятельство — второстепенный член, выраженный наречием или деепричастием.

После Буслаева и Потебни проблема второстепенных членов предложения продолжала оставаться еще более спорной. Школа крепко держалась за классификацию, основанную на «смысловых» признаках. Показательно, что принцип классификации Потебни (пропагандировавшийся его последователями, например Овсянко-Куликовским), несмотря на кажущуюся его простоту, не удовлетворял школу: она не видела в нем того обобщения значений, которое, хотя и в несовершенном виде, все же можно было усмотреть в объединении под наименованием определения, отвечающего на вопрос «чей», таких конструкций, как *отцовская шуба* и *шуба отца*, или под наименованием обстоятельства образа действия, отвечающего на вопрос «как», таких конструкций, как *двигаться бесшумно* и *двигаться без шума* (ср. также *переправляться повзводно* и *переправляться взводами*), и т. п.

Между тем идея, лежавшая в основе классификации Потебни, в принципе и глубока, и верна: конечно, очень существенно в грамматическом отношении, как именно второстепенный член поясняет какой-либо член предложения: посредством слова, выражающего предметное понятие или понятие признаков (*шуба отца* — *отцовская шуба*), посредством слова, выражающего понятие действия или предметное понятие (*стремиться властвовать* — *стремиться к власти*). Эта классификация основана на обобщении не менее, а более существенном, чем то, которое находит свое выражение в соответствии одному и тому же вопросу: в классификации Потебни за основной признак берется единство грамматической (морфологической) категории, используемой для выражения поясняющего слова. Но крупным недостатком учения Потебни о второстепенных членах предложения является отсутствие в нем широкой перспективы: традиционных трех второстепенных членов предложения явно недостаточно для синтеза многообразных отношений, наблюдающихся в словосочетаниях с второстепенными членами в качестве зависимых слов. Ведь, например, согласуемые второстепенные члены далеко не являются синтаксически цельной категорией. В этом легко убедиться, сопоставив так называемое приложение с собственно определением. Хотя то и другое характеризуется одинаковым признаком — согласованием, различие их морфологической природы сильно дает себя знать: приложение дает поясняемому слову предметную характеристику, тогда как собственно определение дает характеристику признаковую. Определения со значением притяжательности также представляют собой неоднородный тип: в таких притяжательных прилагательных, как *материна*, *отцова*, *купцов*, *шуринова*, *помещичий* (в особенности в образованиях от собственных имен, например, *Марусина*, *Петины*) и т. п., в гораздо большей степени налицо значение принадлежности лицу, чем в таких, как *материнский*, *отцовский*, *купеческий* и т. п., могущих употребляться и не в «притяжательном» значении.

Далеко не однородны по характеру своих значений как дополнений второстепенные члены, выражаемые формами косвенных падежей. Конечно, все второстепенные члены этого разряда обозначают лиц или предметы, с которыми так или иначе связано действие, или другое лицо, или предмет, но этим в сущности и исчерпывается их функциональная общность. А то, что одни из них обозначают лицо или предмет, на который переходит действие (*зову сестру*), другие — предмет, служащий орудием действия (*рублю топором*), третьи — предмет, которому «адресовано» действие (*дарю сестре*), и т. п., или то, что одни обозначают лицо, которому что-либо принадлежит (*книга сестры*), другие — предмет, наличием ко-

торого характеризуется лицо или предмет (*книга рассказов*), — не находит отражения в системе второстепенных членов предложения Потебни.

*

Из дальнейших попыток разрешения вопроса о второстепенных членах предложения наибольшего внимания заслуживает учение Шахматова. Шахматов описывает восемь разрядов второстепенных членов предложения. При этом первоначально намеченный им план оказался осуществленным со значительными изменениями. Намеченный план: I. Приложение; II. Дополнение; III. Релятивное дополнение; IV. Дополнительный глагольный член; V. Определение; VI. Обстоятельство; VII. Связка; VIII. Неразложимые словосочетания. Реализованная схема: I. Приложение; II. Определение; III. Простое дополнение; IV. Дополнительный субстантивный и адъективный член; V. Релятивное дополнение; VI. Дополнительный глагольный член; VII. Обстоятельство; VIII. Неразложимые словосочетания¹. Это свидетельствует о том, что для Шахматова данная проблема была предметом усиленных и, возможно, еще не завершенных поисков.

Вместе с тем основная идея Шахматова представляется достаточно ясной. Шахматов не порывает полностью с традиционной классификацией второстепенных членов предложения. Он принимает все три общепринятых разряда (определение, дополнение, обстоятельство), но не ограничивается ими, так как не видит возможности разместить все второстепенные члены в рамках этих трех разрядов. Основным критерием классификации является для Шахматова функция, выполняемая второстепенным членом как выразителем синтаксического отношения, заключенного в словосочетании; она кладется в основу определений второстепенных членов. Например, при определении приложения сначала дается указание на его функцию: «Приложением выражаются аппозиционные отношения, возникающие между названиями субстанций и явлений, следовательно, между существительными, а также между существительными и местоимениями субстантивными (личными и предметными)»². Тут же указывается, что такое аппозиционные отношения. После этого формулируется самое определение: «...приложение — это то зависимое слово, которым в форме существительного обозначается свойство-качество или родовой признак господствующего слова»³. Таким образом, в этом определении после указания на функцию приложения находим и формальную характеристику его.

Определение также характеризуется сначала указанием на его функцию. «Определением выражаются атрибутивные отношения, существующие между субстанцией или явлением и их признаками»⁴. После разъяснения, что следует разуметь под признаком, и деления признаков на основные типы указывается, какими формами выражается определение каждого типа.

Удалось ли Шахматову по существу построить учение о второстепенных членах предложения? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ, хотя как самый разрыв с традицией, так и углубленное внимание к многообразию формальных выразителей категории второстепенных членов представляют собою сильную сторону его учения.

Шахматов идет обычно от готовых представлений о синтаксических отношениях к способам их выражения. Самые эти отношения он заимствует из области психологии мышления. Так, приступая к описанию дополне-

¹ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 279.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 290.

ния и выясняя его отличие от приложения и определения, в которых «...видим ясные следы расчленения одного общего представления: в центре осталось господствующее представление о субъекте, носителе признака, но при нем отложилось другое зависимое представление об аппозиции или атрибуте...», Шахматов пишет: «Совсем иные отношения имеют место там, где процесс мышления соединил в одно сложное представление, сблизив их между собою, два по существу своему друг от друга независимые представления. Здесь возникают объектные отношения, которые по своему существу являются отношениями между двумя субстанциями, из которых одна становится в зависимые отношения к другой, становится объектом при субъекте»¹. Априористичностью такого подхода объясняется несоответствие между устанавливаемыми Шахматовым отношениями и их формальным выражением. Разным членам предложения, выделяемым Шахматовым по формальным признакам, нередко свойственны одни и те же функции.

Значительная часть приглагольных дополнений, имеющих форму творительного падежа беспредложного, служит для выражения отношений, выражаемых и обстоятельством. Таковы творительный причины, творительный образа действия, творительный времени, творительный пространства и некоторые другие. Шахматов усматривает существенное различие между такими дополнениями и обстоятельствами в различии способов их выражения, утверждая, что для обстоятельств характерно выражение их наречиями. Он по существу отождествляет обстоятельство с наречием, что видно из следующих слов: «Обстоятельство соответствует тем функциям, которые имеет в предложении наречие как название отношений. Под понятие отношения подходит несколько различных явлений, выражаемых наречием»². И далее перечисляются эти отношения, которые объединяются общим термином «обстоятельство». Соответственно основным своим функциям обстоятельства делятся на определяющие, дополняющие и сопутствующие. Ранее, в главе о творительном приглагольном, указывалось: «Обстоятельством выражаются отношения, в которых мыслится признаки; отношения могут быть выражены наречием, сочетанием наречия с именем, а также другою частью речи, в частности именем существительным в творит. падеже; но существительное в косвенном падеже... является дополнением; обстоятельством же мы признаем его тогда, когда оно перейдет в наречие»³. Если обратиться к примерам, приводимым Шахматовым для обстоятельств, то мы найдем здесь существительные в косвенных падежах (без предлогов и с предлогами), переход которых в наречия весьма сомнителен, например: «Тут и там зажигались фонари, ехали почти непрестанной вереницей смутно видневшиеся экипажи», «Старый человек на ветер слова не скажет», «Мало у нас парней на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили». Что отнесение этих и подобных форм к наречиям сомнительно, видно из того, что аналогичные формы существительных, с предлогами и без предлогов, можно найти и в примерах, приводимых Шахматовым для дополнений. Ср.: «Не слушая слов всадников боле, Он мчит его во весь опор», «Все пошло своим порядком», «Князь позвонил и приказал вошедшему лакею, чтобы приго-

¹ См. А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., 1941, стр. 310. Стоит отметить, что, отправляясь от заранее установленных психологических категорий, Шахматов не выдерживает этого принципа. Это проявляется в ряде случаев, в том числе при описании дополнения. Попытку свести отношение между существительным, выражающим объект, и глаголом или прилагательным к осложненному отношению между названиями двух субстанций нельзя признать удачной.

² Там же, стр. 398.

³ Там же, стр. 340.

товлен был фаэтон *четверней*», «Двор обо двор с ним жил охотник...» (ср. «Тащется шаг за шаг», где *шаг за шаг* рассматривается как наречие).

Конечно, вопрос о том, перешли ли те или иные падежные формы и предложно-падежные сочетания в наречия, может решаться по-разному. Дело здесь не в возможности различных мнений. Ошибочность классификационного принципа второстепенных членов Шахматова состоит в смешении синтаксических и морфологических явлений, а этого ему не удалось избежать потому, что он, положив в основу своей классификации признак функции второстепенного члена, не выдерживает его до конца, а время от времени исходит только из способа выражения второстепенного члена. Довольно отчетливо это смещение разных аспектов заметно в главе, посвященной дополнительному субстантивному и адъективному члену. Автор указывает, что с точки зрения функциональной можно было бы и «...не выделять особо учение об этом члене...»: последний «...но существу своему в большей части случаев представляется предикативно-атрибутивным приложением или определением к существительному, поставленному в дополнении...»¹. Выделяется же этот член предложения только в силу формального его признака, а именно в силу того, что он не всегда согласуется с господствующим над ним словом: он часто принимает форму творительного падежа. А это дает основание считать, что и согласованные с дополнением предикативные приложения и определения также приобретают независимость от «господствующего» над ними дополнения и должны рассматриваться, вместе с несогласованными, как особый синтаксический разряд. Но такое же употребление — и в именительном, и в творительном падеже — свойственно и именному сказуемому. Поэтому Шахматов считает, что грамматическую природу творительного падежа сказуемого представляется возможным связать с природой дополнительного члена. А из этого делается вывод о необходимости рассмотреть в данной главе «все явления, связанные с возникновением и употреблением дополнительного члена»². И действительно, вслед за приведенным общим высказыванием Шахматов переходит к рассмотрению дополнительного члена в сказуемом³. Далее рассматриваются дополнительный субстантивный и дополнительный адъективный члены в прямом дополнении, в косвенном дополнении, после инфинитива и после причастия. Имеются в виду такие конструкции: «Ты привыкла видеть меня девочкой», «Сама его безумным называла», «Не мне быть судьей между женой и мужем», «(Он из Казанского собора отправился к графу Салтыкову, бывшему тогда нездоровым).

Во всех приведенных примерах действительно налицо существительные и прилагательные в творительном падеже. Но в одних случаях они связаны только с глаголом, в других — одновременно с глаголом и дополнением. При этом функция дополнительного члена по отношению к глаголу не зависит от того, употреблен ли последний в спрягаемой или неспрягаемой форме, ср. *видеть меня девочкой* — *видела меня девочкой* — *видевшая меня девочкой*; *быть нездоровым* — *буду нездоровым* — *бывший нездоровым*. Присвоение существительным и прилагательным, употреб-

¹ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 348.

² Там же.

³ В этом вопросе у Шахматова наблюдается непоследовательность. В главе о связочном сказуемом он рассматривает существительное и прилагательное в именительном падеже, стоящие при связке, как второе сказуемое и указывает на возможность замены этого второго сказуемого дополнением в творительном падеже. А в главе о дополнительном субстантивном и адъективном члене существительное и прилагательное в именительном падеже при связке рассматриваются не как второе сказуемое, а как дополнительный член; ср. «А молодая-то была первая затейница», «Петр, будь благоразумен» и «И ты смолodu все был кучером?» (там же, стр. 349, 350).

лиемым в подобных конструкциях, названия дополнительного члена вызвано не характером их функций, а, скорее, чисто внешним признаком — употреблением в качестве слова, *дополняющего* тот или иной член предложения (*видеть девочкой*) либо *выражающего* лексическое значение аналитической конструкции (*быть судьей*). Любопытно, что дополнительный член в прямом дополнении, будучи выражен формой винительного падежа, может выполнять функции определений различного типа; например, в § 430 находим такие конструкции: «Я привел к ним Марью Ивановну, *бледную и трепещущую*», «Потом отвели меня в тюрьму и оставили *одного* в тесной и темной конурке», «И через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича *вздернутого* на воздух».

Можно было бы продолжить разбор учения Шахматова о второстепенных членах предложения, указывая в нем много интересного, а также спорного и неправильного. Но и того, что здесь подверглось анализу, вполне достаточно для вывода, что хотя попытка Шахматова углубить рассматриваемый вопрос представляет значительный интерес, однако построенная им схема не выдерживает критики с точки зрения грамматической: общий подход к членам предложения характеризуется психологическим априоризмом; классификация второстепенных членов предложения не исходит из единого основания; намеченные разряды частично перекрещиваются. Кроме того, при характеристике отдельных конструкций иногда неправомерно привлекаются моменты генетические; нередко факты диалектной речи рассматриваются в одном ряду с фактами литературного языка; не всегда конструкции архаические отделяются от современных, явления непродуктивные выступают зачастую рядом с продуктивными.

*

Как сказано в начале настоящей статьи, «Грамматика русского языка» АН СССР приняла традиционную схему второстепенных членов предложения. «Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, — говорится во введении ко II тому „Грамматики“, — которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний»¹. Конечно, только в этом обобщении и может состоять смысл сведения всех второстепенных членов к небольшому числу классов. Но только при условии, что каждый из таких классов может быть отчетливо характеризован указанием на его синтаксическую функцию и с полной очевидностью противопоставлен всем остальным классам, может быть признана целесообразной и правильной та или иная классификация. При этом необходимо, конечно, чтобы в основе классификации лежал единый признак и чтобы этот признак был существенным с грамматической точки зрения.

Но такого классификационного признака «Грамматика» не выдвигает. Попытка обратиться к морфологической стороне второстепенных членов, которая могла бы выступать как признак, дифференцирующий отдельные их разновидности, также не дает прочных оснований для классификации. После указания на то, на каких морфологических категориях базируется преимущественно каждый из трех традиционных классов второстепенных членов, в «Грамматике» делается следующая существенная оговорка: «Но функционально-синтаксические оттенки, облекающие морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства, оказываются настолько сложными, а иногда и недифференцированными и внутренне противоречивыми, что они очень часто выходят за рамки этих категорий или создают ряд переходных, смешанных типов»². К этому следует добавить, что встречается очень много случаев, когда тот или иной

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 94.

² Там же, стр. 95—96

второстепенный член предложения вообще не может быть включен, даже с натяжкой, ни в один из существующих классов. Таковы многие из «дополнительных» членов, выделяемых Шахматовым, как, например: «Вдовой уже взял ее, с тройми детьми, мал мала меньше», «И как могла она, зная себя *неверной*, быть попрежнему спокойной, ласковой и доверчивой с ним», «Пьер, с раннего утра уже стянутый в неловком, сделавшемся ему *узким*, дворянском мундире, был в залах», «Нетерпение *доехать* до Тифлиса исключительно овладело мною», «Спешу *ответить* на ваше письмо» (ниже будут приведены и другие примеры).

И, конечно, правильно заключение, делаемое после приведенных рассуждений во введении ко II тому «Грамматики»: «... выделение трех второстепенных членов предложения и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на грамматических принципах»¹. Сохраняя традиционную классификацию второстепенных членов предложения, «Грамматика» все же пытается формулировать значения каждого из них, обобщить в формулировках многообразные отношения между членами словосочетаний, которые в той или иной мере близки между собою. Вот эти формулировки:

«Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения — слову с предметным значением (существительному, местоименному существительному, количественному числительному, а также к любому субстантивированному слову) и характеризующий называемый этим словом предмет со стороны его качества, признака или свойства, называется **определением**»².

«Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, существительным, местоименным существительным, прилагательным, числительным или наречием и обозначающий предмет, на который переходит действие, который является результатом действия, по отношению к которому совершается действие или проявляется признак, либо обозначающий действие как объект, на который направлено другое действие, называется **дополнением**»³.

«Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения, выраженному глаголом, отглагольным существительным, прилагательным или наречием и служащий для характеристики действия или признака в отношении его качества или интенсивности либо для указания способа совершения действия, времени, места, причины, цели, условия, с которыми связано действие или проявление признака, называется **обстоятельством**»⁴.

Вслед за приведенными формулировками делается несколько оговорок: о том, что в зависимости от форм слов, которыми выражаются второстепенные члены, они квалифицируются с различной степенью определенности, о том, что квалификация второстепенного члена часто зависит от лексического значения поясняемого им слова, о возможности в ряде случаев двойного толкования функции второстепенного члена и др.

Нужно сказать, что определения второстепенных членов, данные в «Грамматике», сравнительно с определениями, даваемыми обычно как в учебной, так и в теоретической литературе, наиболее удачны, насколько это вообще возможно в рамках традиционной схемы.

Безусловно положительным элементом этих определений является то, что в них указывается, **чем** (какой частью речи) **выражен** в каждом

¹ «Грамматика русского языка т. II, ч. 1, стр. 96—97.

² Там же, стр. 522.

³ Там же, стр. 523.

⁴ Там же.

отдельном случае по я с н я е м ы й член предложения. Однако на основании этого признака второстепенные члены не могут быть отчетливо противопоставлены друг другу, так как разными второстепенными членами могут поясняться слова, принадлежащие к одной и той же части речи: при существительных могут быть в качестве поясняющих слов как определения, так и дополнения, а при прилагательных, так же как и при глаголах, возможны как дополнения, так и обстоятельства. Весьма обстоятельно в приведенных определениях указывается, с какой стороны характеризует второстепенный член предложения то слово, которое им поясняется. Однако эти указания верны большей частью лишь постольку, поскольку они общи: в самом деле, понятие признака или свойства по отношению к предмету очень неопределенно, так же неопределенно понятие предмета, «по отношению к которому совершается действие или проявляется признак». В примерах определений, данных в «Грамматике», мы находим такие (здесь приводятся только словосочетания с определениями, извлеченными из предложений): *артист труппы, непрерывность движения, щель в ставне, разрешение говорить* и т. п. По-видимому, эти определения характеризуют «признак» предмета, но остается неясным, можно ли сюда же отнести второстепенные члены в таких примерах: *начало зимы, в разгаре споров, глубина мыслей, обилие плодов, стакан воды* и т. п.?

Далее, вряд ли можно подвести под понятия качества, признака, свойства функции некоторых типов приложений, в частности приложений — собственных имен, например: *«А дочка его, Екатерина Александровна, поверь мне, замечательная красавица...»*.

Если дополнениями признаются все формы существительных, служащие для пояснения отглагольных существительных, соотносительных не только с переходными, но и с непереходными глаголами, то к дополнениям должны быть отнесены второстепенные члены не только типа *ему вручена награда за храбрость* (ср. *наградить за храбрость*), но также, по-видимому, и *ему вручена медаль за храбрость*, хотя в обоих случаях за *храбрость* выражает «признак» (ср. *награда за усердие, медаль за спасение утопающих*). Куда следует отнести второстепенные члены в таких примерах: *прыжок с парашютом* (ср. *прыгнуть с парашютом*; но с *парашютом* служит и указанием на признак, вид прыжка), *вступление к опере и увертюра к опере*? К ним в равной мере можно применить термины «определение» и «дополнение», — а причиной этого является то, что определения этих членов предложения слишком «вместительны». Еще больше такого рода замечаний можно сделать относительно обстоятельств, но это здесь излишне, так как много раз отмечалось в литературе.

Но безусловно следует отметить, что в классе обстоятельств уже издавна принято объединять совершенно различные по своим функциям типы второстепенных членов. Функциями обстоятельств, как это формулировано в приведенном выше определении, являются, во-первых, «характеристика действия или признака в отношении его качества или интенсивности», во-вторых — «указание способа совершения действия» и, наконец, в-третьих — указание «времени, места, причины, цели, условия, с которыми связано действие или проявление признака»¹.

¹ Здесь, кстати, нужно отметить непоследовательность во внутреннем размещении функций обстоятельств: в основном определении, как видно из текста, «способ совершения действия» выделен как отдельная функция; в § 796 («Классификация обстоятельств по значению») функция «способа» раскрывается в виде «пространственной, временной, количественной» характеристики, а дальше, в §§ 805—812, в которых описываются только «обстоятельства, определяющие способ совершения действия», пространственные, временные и количественные характеристики отсутствуют; обстоятельства места, времени, меры описываются в другом отделе вместе с обстоятельствами причины, цели и условия (§§ 813—833).

По существу своему функция обозначения качества, интенсивности, а также способа действия соответствует функции определения в словосочетаниях с именами существительными; ср. *глядят ровно, спокойно* — *ровный, спокойный взгляд*; *сильно беспокоиться* — *сильное беспокойство*; *ездил целым домом* — *поездка целым домом*; *живет по-цыгански* — *жизнь по-цыгански*. Правда, таких примеров (с существительными) в главе об определении мы не находим, но их нет и в главе об обстоятельстве, а между тем в языке-то они существуют, и в соответствии с данными в «Грамматике» определениями второстепенных членов имеются одинаковые основания отнести приведенные второстепенные члены и к обстоятельствам, и к определениям. Не так обстоит дело с второстепенными членами, относимыми к обстоятельствам места, времени, меры, причины, цели и условия. В отличие от второстепенных членов, обозначающих качество, интенсивность действия или признака, а также способ совершения действия или проявления признака, т. е. то, что как бы заключено в самом действии при его совершении или в самом признаке при его проявлении, другая группа второстепенных членов обозначает то, что действительно можно называть обстоятельствами, т. е. внешними по отношению к действию или признаку предметами, явлениями, признаками, так или иначе характеризующими действия или признаки¹. То, что под названием обстоятельства объединяются очень разнородные по функциям второстепенные члены, между прочим, находит отражение в большом разнообразии морфологических средств выражения членов предложения, относимых к этому классу.

К сделанным в «Грамматике» после определений второстепенных членов предложения оговоркам следует прибавить еще одну, пожалуй, наиболее существенную: в русском языке много конструкций с такими второстепенными членами, которые вообще невозможно отнести ни к одному из традиционных классов, так как функции этих второстепенных членов не соответствуют ни одному из даваемых определений. Ср., например, такие: *пришел в шляпе, получил в итоге, вернулся из командировки, кричал в бреду, попали в окружение, вступить в партию, ты еще молод учить, рад видеть, плакать во сне, опоздать на доклад* и многие другие. Конечно, ко многим из приведенных второстепенных членов, поскольку они выражены существительными, можно поставить вопрос (иногда, впрочем, и это не легко) и, в соответствии с вопросом, чисто механически сказать, что в одном случае перед нами дополнение, а в другом обстоятельство, например: *пришел в чем?* — *в шляпе* (дополнение), *вернулся откуда?* — *из командировки* (обстоятельство места), *вступить во что?* (*куда?*) — *в партию* (дополнение? обстоятельство места?). Но уже из этих нескольких примеров ясно, насколько нелеп такой прием квалификации второстепенных членов. А ведь к другим конструкциям даже и таких вопросов нельзя поставить, например: *плакать во сне, получил в итоге, ты еще молод учить*.

При изучении второстепенных членов предложения нередко наблюдаются некоторые упущения исследуемых фактов. Как на пример таких упущений можно указать на игнорирование второстепенных членов сложного состава. В языковом употреблении часто встречаются слившиеся в одно целое сочетания двух и более второстепенных членов, из которых каждый в отдельности и мог бы быть отнесен к особому классу. В таких

¹ Второстепенные члены со значением «способа» действия охватывают несколько неоднородных функциональных типов: ср. *жить вдвоем; слушать с улыбкой; закричал в бешенстве; смотреть сквозь слезы; ползет червяком; покачивались, точно колысья* (больше сюда подходит термин «образ действия»).

предложениях, как *В лесу ночью очень страшно*, *У нас дома всегда было многолюдно*, *В лице у нее ни кровинки*, тесно сцеплены второстепенные члены с разными функциями: один обозначает место, другой — время, или один обозначает время, другой — обстановку и т. п. Но в таких случаях мы имеем дело не с двумя самостоятельными, отдельно сочетающимися с общим для них поясняемым словом, членами предложения. Это видно хотя бы из того, что они произносятся без какого бы то ни было интервала и с одним ударением. К какому же из числа традиционных классов можно отнести такие второстепенные члены? Ясно, что ни к одному из них. Да и при более «совершенной» классификационной системе они должны были бы остаться вне классификации. Ведь большую роль при выяснении функций второстепенного члена предложения играют, помимо установления морфологического способа его выражения и морфологической принадлежности поясняемого члена предложения, лексические значения того и другого, что отмечается и во введении к «Грамматике». Однако эта сторона вопроса, ощущаемая чисто эмпирически, совершенно еще не изучена и поэтому ничего не может дать в настоящее время для какой бы то ни было систематизации второстепенных членов.

*

После Шахматова вопросу о второстепенных членах предложения было посвящено несколько журнальных статей, из которых наибольший интерес представляет статья Р. Н. Ахисенова «Второстепенные члены предложения как грамматические категории»¹. Автор названной статьи считает более правильной так называемую логическую точку зрения на второстепенные члены предложения, которая «по-своему схватывает сущность изучаемого явления, а не скользит по поверхности». «Хотя в современном русском языке нет полного параллелизма между частями речи и членами предложения, все же каждая морфологическая категория, исторически выделившаяся в качестве определенного члена предложения, и до сих пор представляет собой специфический способ выражения данного члена предложения... Поэтому в современном русском языке каждый член предложения может быть морфологизованный (т. е. выраженный предназначенной для данной категории синтаксической функции формой) и неморфологизованный, чисто синтаксический (т. е. выраженный формой, не специализировавшейся для данной синтаксической функции)»². Так как морфологические категории, которыми выражаются второстепенные члены, не могут служить критерием для их классификации, то последняя должна основываться на других признаках. Главным таким признаком должен служить, по мнению автора статьи, вопрос, который может быть поставлен от поясняемого члена предложения к поясняющему его второстепенному члену. В этих вопросах находит свое истинное выражение синтаксическая сущность второстепенных членов. Кроме соотносительности вопроса и ответа, для выделения второстепенных членов предложения важное значение имеют «соотношения в пределах одного предложения», т. е. возможность сочинительной связи внутри предложения между разноформенными второстепенными членами. Если с «морфологизованным» членом предложения может быть соединен как однородный «неморфологизованный» член, то это означает, что второй принадлежит к тому же классу второстепенных членов, что и первый (*Он пишет чисто и без ошибок* — два обстоятельства, *худой и высокого роста мальчик* — два определения). Что касается первого признака — соответствия второстепенного

¹ «Р. яз. в шк.», 1936, № 4.

² Там же стр. 56.

члена тому или иному вопросу — то он, как известно, выдвинут в нашей грамматике еще в начале прошлого века и в рассматриваемой статье только более глубоко мотивирован. Нельзя отрицать, что многие второстепенные члены действительно соответствуют различным вопросительным местоимениям. Но для того, чтобы ответить, к какому классу принадлежит второстепенный член, отвечающий на тот или иной вопрос, необходимо знать, каким членом предложения следует считать соответствующее вопросительное местоимение. Есть ли у нас достаточные основания утверждать, что *над чем?*, *на что?* — всегда дополнение, *для чего?* — всегда обстоятельство цели, *сколько?* — всегда обстоятельство меры и т. п.? Ср. *Самолет пронесся над рощей* (дополнение?), *Туча остановилась над Смоленском* (дополнение? обстоятельство?); *Собрались для переговоров* (обстоятельство цели?), *Продаются камеры для велосипедов* (дополнение? определение?); *Это стоит рубль* (обстоятельство меры?), *Истратил сто рублей* (дополнение? обстоятельство меры?). Судя по приведенным примерам (а число их легко умножить), таких оснований у нас нет. Несомненно, что в ряде подобных случаев можно поставить и одни и другие вопросы. А в очень многих случаях, как показано было выше, «разумных» вопросов и вообще поставить нельзя; ср. еще такие конструкции: *заплатил десять рублей серебром, нос картошкой, потери убитыми и ранеными, порода гусей, вернулся больным, помню его юношей, сидели за ужином, приходил три раза в неделю* и т. п.

А может быть, плоха не вообще идея сведения многообразия отношений, выражаемых второстепенными членами, к небольшому числу обобщающих классов, а неудача существующая система *трех классов*? Не разрешается ли данная проблема увеличением числа второстепенных членов до такого количества, которое, обобщая, охватило бы все возможные отношения? Но если искать решения вопроса на этих путях, то это значит — признать, что существующий принцип классификации в основе своей правилен и что требуется лишь более тщательно обобщить функции второстепенных членов. Однако, как должно быть ясно из всего сказанного ранее, именно те принципы, по которым до сих пор пытались устанавливать принадлежность второстепенного члена к тому или иному классу, не отвечают существу дела.

Р. И. Аванесов, выдвигая положение о морфологизованных и неморфологизованных членах предложения (эта же мысль проводится и в «Грамматике»), надо думать, прав с точки зрения истории формирования классов второстепенных членов¹. Но по отношению к современному русскому языку нет решительно никаких оснований утверждать, что для определения «стандартной» формой является согласуемое слово, для дополнения — косвенный падеж субстантива, для обстоятельства — наречие и дееспричастие (кстати, так называемые обстоятельства существовали задолго до того, как сформировалось дееспричастие). Именно то, что в предложении, как правильно указывает Р. И. Аванесов, могут объединяться сочинительной связью однородные члены предложения, выраженные различными морфологическими категориями, свидетельствует о том, что в данной своей функции эти категории равноправны и что не может быть речи о «приоритете» одних из них по отношению к другим. Конечно, нель-

¹ Утверждать это приходится с оговорками, так как данный вопрос совсем не изучен. К тому же несомненно, что классы второстепенных членов складывались не «фронтально», а одни раньше, другие позже; есть все основания полагать, что так называемые обстоятельства сложились позже, чем так называемые определения и так называемые дополнения, и притом на базе последних. Все это происходило в тот период жизни языка, от которого до нас не дошло никаких фактических данных (в древнейших памятниках и в диалектах картина в целом та же, что и в современном литературном языке).

зя отрицать того, что если *худой* при слове *мальчик* — определение, то и *высокого роста*, соединенное посредством союза *и* со словом *худой*, — тоже определение; что если *чисто* при слове *пишет* — обстоятельство образа действия, то и *без ошибок*, соединенное со словом *чисто* посредством союза *и*, — тоже обстоятельство. А отсюда, понятно, мы вправе сделать вывод, что определение может выражаться не только согласуемым словом, но и другими формами, что обстоятельство может выражаться не только наречием, но и другими формами. Но это верно лишь в той мере, в какой мы в с я к о е прилагательное считаем определением и в с я к о е зависимое наречие — обстоятельством. А ведь не мало таких случаев, когда, встречая второстепенные члены, соединенные сочинительной связью с другими второстепенными членами, выраженными другой частью речи, мы не можем сказать, к какому классу причислить как тот, так и другой, например: «...Сняли голову — *не большой горой, а соломинкой...*» (Кольцов, Лес)¹. Иногда даже и более простые конструкции вызывают затруднения относительно квалификации второстепенных членов, связанных сочинительным союзом, например: «*Сердитый и ни на кого не глядя*, он вышел из комнаты». В «Грамматике» о подобных случаях говорится, что здесь прилагательным выражается обстоятельственное определение, почему оно и «...может входить в один ряд с второстепенными членами — обстоятельствами, выраженными деепричастиями, наречиями и косвенными падежами имен существительных»². Но какие здесь обстоятельственные значения? Если *ни на кого не глядя* еще можно с натяжкой причислить к обстоятельствам образа действия, то *сердитый* никак не подойдет к этой разновидности обстоятельств.³ Нужно сказать, что вообще члены предложения, находящиеся в «обособленном» положении, в значительной своей части не поддаются или поддаются с большими оговорками традиционной классификации. Присущий им элемент предикативности может очень резко ослаблять их функцию как второстепенного члена предложения. Это почти всегда относится к конструкциям, возглавляемым сочетаниями существительных в косвенных падежах без предлогов и с предлогами и служащим для описания внешнего вида лица или предмета либо для выражения других отношений, например: «*Шабашкин, с картузом на голове*, стоял подбочась и гордо взирал около себя» (Пушкин, Дубровский), «*Сегодня она, в новом голубом капоте*, была особенно молода и внушительно красива» (М. Горький, Жизнь Клима Самгина)⁴, «*Восемнадцатого марта эшелон Луганского отряда ворвался через закрытый семафор на станцию Ворожба — в одном перегоне от Конотопа*» (А. Н. Толстой, Хлеб), «*Я, тоже с узлом на спине*, семенил за нею...» (Гладков, Вольница). То же можно сказать о конструкциях, вводимых в предложение предлогами *вместо, кроме, помимо, подобно, включая, исключая* и т. п., например: «*Подобно Василию*, она любила независимость...» (Тургенев, Три портрета), «...Правда, мы можем, *по нашим бабушкам*, судить о степени образованности дворянок времен Екатерины...» (Тургенев, Три портрета), «*У нее никто не бывал, кроме нас...*» (Чехов, Моя жизнь). Об обособленных конструкциях второго типа в «Грамматике», где они помещены в самом конце раздела «Обособленные второсте-

¹ В «Грамматике» (т. II, ч. 1, стр. 632) однородные члены этого предложения рассматриваются как дополнения, с чем, если только не исходить из того, что здесь существительные в косвенном падеже, нельзя согласиться. Это как раз такой случай, когда невозможно отнести второстепенный член ни к одному из существующих классов.

² Там же, стр. 646.

³ А. А. Шахматов, как известно, рассматривает такие конструкции в разделе двусказуемых предложений (см. указ. соч., стр. 226).

⁴ Эти два примера взяты из «Грамматики» АН СССР.

пенные члены предложения», сказано: «Слова с таким значением в предложении являются относительно самостоятельными и лишь условно могут рассматриваться как дополнения»¹.

*

Итак, следует признать, что существовавшие до настоящего времени учения о второстепенных членах предложения не отвечают современным принципам научной грамматики. Самая двойственность в подходе к второстепенным членам, выдвинутая в свое время Буслаевым, свидетельствовала о том, что ни один, ни другой аспект не схватывает существа явления в целом, а между тем грамматическая квалификация всякой языковой категории должна покоиться на единстве формы и выражаемого ею значения. Большинство ученых, уделявших внимание второстепенным членам, по разным мотивам не считали нужным или возможным порвать с традицией «триады» и искали решения вопроса в подведении той или иной базы под старое здание. Время от времени делались попытки построения новой схемы. Наиболее интересной из этих попыток является теория Шахматова, однако и его классификация оказалась неудачной. Наконец, некоторые русские синтаксисты (как, например, Петерсон, Пешковский) вовсе отказались от классификации второстепенных членов, предпочтя ей подробный анализ синтаксических отношений, вскрываемых в словосочетаниях различных типов. «Грамматика» АН СССР сделала попытку объединить учение о второстепенных членах предложения с учением о словосочетании. Но в главе «Второстепенные члены предложения» оговорено, что излагаемая в ней классификация членов предложения «охватывает наиболее ясные и бесспорные типы»². А ведь неясных и спорных типов, пожалуй, не меньше, а больше. И они так и остаются неясными и спорными. До каких же пор? И почему это так? Почему, например, принцип определения подлежащего не вызывает возражений? Почему не должно вызывать сомнений отнесение к классу определений второстепенных членов, выраженных согласуемыми формами?

Объяснить это следует тем, что у подлежащего и у определения, выраженного согласуемыми формами, способ их выражения и синтаксическая их функция находятся в полном соответствии: подлежащее — абсолютно независимый член предложения, им обозначается субъект действия или носитель признака, названного в сказуемом; определение — подчиненный член предложения, упрощаемый по формам числа и падежа, а в единственном числе и по форме рода, подчиняющемся члену предложения и выражающий признак, который принадлежит лицу или предмету, названному подчиняющим членом. То же можно сказать и об обстоятельствах, выраженных наречиями. Но обо всех других членах предложения этого уже сказать нельзя: учение о второстепенных членах предложения в целом — предмет не только грамматики, но и лексики.

В слове, когда оно выступает в роли члена предложения, взаимно перекрещиваются значения грамматические, т. е. категориальные, и значения лексические, т. е. индивидуальные.

В связи с этим, несмотря на одинаковость форм многих слов, отношения между ними как членами словосочетания (и, соответственно, как членами предложения) могут быть различными. Например, в словосочетании *чтение Маяковского* оба слова, оставаясь в пределах одинаковой формы одной и той же части речи, могут иметь неодинаковые лексические значения: *чтение* может обозначать и «зрительное восприятие письменного

¹ «Грамматика...», т. II, ч. 1, стр. 659.

² Там же, стр. 523.

или печатного текста» и «произнесение вслух литературного текста», *Маяковский* может обозначать и «произведения поэта, носившего фамилию *Маяковский*» и «поэт, носивший фамилию *Маяковский*». Отсюда — и возможность различных синтаксических отношений между членами приведенного словосочетания: в одном случае второй его член называет объект действия, выраженного первым членом, в другом случае второй член называет субъект действия, выраженного первым членом. Еще очевиднее это оказывается в таких, например, словосочетаниях, как *урок химии, роль химии, закон химии, раздел химии; склад шерсти, цвет шерсти, остатки шерсти; пятна на руках, пирожок на дрожжах, концерты на праздниках; пожимать плечами, питаться фруктами, идти лесами*.

Означает ли все это, что учение о второстепенных членах предложения вообще невозможно, что постановка этой проблемы бесперспективна? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ясно представить себе, в чем должна состоять сущность данной проблемы.

Выше было показано, что ограничиться установлением способов морфологического выражения второстепенных членов — значит не продвинуться вперед по пути синтаксического осмысления явления. В результате применения противоположного метода — от тех или иных «смысловых» категорий к способам их выражения — оказывается, что распределение второстепенных членов по этим трем разрядам ни к чему не приводит, так как многие конструкции не подходят ни к одному из них и тем самым «компрометируют» и всю эту схему.

Конечно, правильен путь «от форм к функциям». И в этом смысле «Грамматика» АИ вполне правомерно начинает описание синтаксического строя современного русского языка с обзора словосочетаний. Но обобщение всех отношений, обнаруживаемых в словосочетаниях, в традиционных трех классах второстепенных членов не могло дать и не дало положительных результатов. При нынешнем состоянии разработки данной проблемы целесообразнее ограничиться изучением словосочетаний, не добиваясь пока во что бы то ни стало сведения обнаруженных в них синтаксических отношений к тому или иному числу более общих категорий.

Перед тем как приступить к такому «высшему» обобщению, необходимо проделать серьезную работу по объединению в группы уже обследованных словосочетаний под разными углами зрения, как-то: 1) с точки зрения морфологической категории «поясняемого» слова, с дальнейшей группировкой «поясняемых» слов каждой из категорий по их лексическому значению; 2) с точки зрения морфологической категории «поясняющего» слова, с дальнейшей группировкой «поясняющих» слов каждой из категорий по их лексическому значению; 3) с точки зрения наличия или отсутствия предлогов при «поясняющих» словах, выраженных косвенными падежами существительных, личных и лично-предметных местоимений, с дальнейшим подразделением предложных словосочетаний по выражаемым в них отношениям в соответствии со значениями имеющихся в них предлогов. Это большая и длительная работа, требующая значительных усилий, но останавливаться перед ней нельзя, ибо только таким путем можно прийти к построению подлинно научной теории о классах второстепенных членов предложения в современном русском языке.